

Анастасия Сычёва

РОМАНТИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Анастасия Сычёва

Час перед рассветом

Фэнтези • Любовный роман • Юмор

Роман

 Москва, 2017
SARMA
&
«Издательство АЛЬФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
С95

Серия основана в 2011 году
Выпуск 246

Художник
А. Клепаков

Сычёва А. В.

С95 Час перед рассветом: Роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017. — 313 с.: ил. — (Романтическая фантастика).

ISBN 978-5-9922-2348-4

Что делать, если тебя предали собственные родные, приговорив к смерти и лишив перед этим титула? Сбежать из дома и под вымышленным именем отправиться в школу боевых искусств! Что делать, если ты стала случайной свидетельницей запрещенного ритуала? Найти и остановить архимага, который их проводит! Но что делать, если ты встречаешься со своим смертельным врагом и ваша вражда внезапно перерастает в нечто большее, чем обычная ненависть?..

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Сычёва А. В., 2017
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017

ISBN 978-5-9922-2348-4

ПРОЛОГ

Большая комната с каменным полом и высокими стрельчатыми окнами. Одно из них распахнуто, рядом стоит столик с разложенным на нем игровым полем, чем-то похожим на шахматное. Отличие заключается в том, что фигур на доске всего две и перемещаются они в соответствии с незнакомыми нам правилами. За столом, друг напротив друга, сидят двое, и их положение условно делит комнату на две части. Молодой человек улыбается женщине напротив. У него открытая мальчишеская улыбка до ушей, сияющее лицо, а сам он словно бы излучает тепло. Вот только синие глаза не вяжутся с его обликом — в них слишком много мудрости для столь юношеского возраста. В той половине комнаты, которую он занимает, будто царит лето — прямо по стенам вьется дикий виноград, воздух здесь теплее, и эта часть помещения кажется освещенной солнцем.

Женщина выглядит полной противоположностью своему визави. Она взрослее, угрюмее, в ее облике нет и капли той жизнерадостности, которая исходит от ее партнера. Наоборот, вокруг нее будто сгустилась тьма. Виноград за ее спиной засох так, что на стенах повисли черные мертвые плети, а солнечные лучи не попадают в комнату.

Их родство выдают лишь выразительные глаза. Нет, не цветом, они у нее черные. Как и юноша, женщина выглядит значительно старше из-за по-настоящему старых глаз.

Некоторое время странная пара наблюдала за фигурами на доске, которые двигались сами по себе, без участия игроков. Когда они наконец-то остановились, оба некоторое время еще задумчиво смотрели на них, а потом юноша вдруг рассмеялся и весело сказал:

— Поздравляю, сестра! Ты победила!

Женщина безразлично кивнула, на ее лице не отразилось никаких эмоций. Молодого человека, привычного к ее хладнокровию, это не смутило, и он так же весело объявил:

— Я теперь должен тебе желание. Чего бы ты хотела?

Его собеседница впервые за все время подняла голову и устремила на него взгляд бездонных черных глаз, в которых не было ни капли тепла, а одно только невозмутимое спокойствие. Но юношу это не удивило, и он продолжал доброжелательно смотреть на нее. После затянувшегося молчания женщина наконец сказала:

— В данный момент — ничего. Но, вероятнее всего, потом я напомню тебе об этом.

Он не удивился и не стал спорить, а лишь кивнул:

— Подойдет! Даю тебе свое слово, Хель, исполнить любую твою просьбу, когда ты попросишь о чем-то.

Воздух в комнате заискрился, когда бог света дал обещание, и Хель удовлетворенно кивнула. Слово бога нерушимо, Луг теперь будет обязан сдержать его в любом случае. Она пока не знала, какое ее желание мог бы исполнить брат, и не знала, когда ей могло бы что-нибудь от него понадобиться. Но боги живут очень долго, и наверняка когда-нибудь еще возникнет ситуация и ей будет нужна помощь брата. Боги достаточно неохотно помогают друг другу, а слово Луга гарантирует, что он окажет услугу по ее первому требованию. Хель поднялась, собираясь уходить, а ее брат удивленно спросил:

— Ты куда? Может, еще партию?

Хель отрицательно качнула головой:

— Нет, брат. Я должна встретиться с Вер. Думаю, ей есть что мне сказать.

Луг лишь сокрушенно развел руками. Он не слишком понимал, какие дела могли быть у богини смерти с богиней-провидицей, но говорить ничего не стал. Без лишних слов сестра покинула комнату. Ее длинный черный плащ тихо прошелестал по полу. С уходом Хель лето охватило всю комнату, и даже мертвые растения вновь зазеленели от энергии, которая исходила от Луга. Бог света лишь махнул рукой, развеивая и фигуры на доске, и саму доску, а затем пропал из комнаты.

Часть первая ПОТЕРЯТЬ ВСЕ

Меня проклинали, смеялись в лицо...
Группа «Ария». Рабство иллюзий

ГЛАВА 1

Ормонд встретил наш отряд проливным дождем. Последние несколько дней мы провели в лесу, где раскидистые кроны елей и лиственниц защищали нас от холодных струй, хотя сырость вокруг настроения не улучшала. Оставшиеся до города пятьдесят метров мы преодолевали по открытой местности и успели вымокнуть практически насквозь. Под копытами лошадей влажно чавкала грязь, низко надвинутые капюшоны сводили видимость практически к нулю. Впрочем, мне было легче, чем остальным: я использовала на своей одежде несложное магическое плетение водонепроницаемости, и дождь почти не причинял мне неудобств. Но были и минусы — именно потому, что холод и влага не отвлекали, всю дорогу мной владели мысли о том, что предстояло сделать, и от них было не отделаться. Осознание того, что на меня внезапно легла ответственность за целую страну, невероятно тяжелым грузом давило на плечи. Мне было страшно, как я ни пыталась бороться с этим чувством. Слишком многое сейчас зависело не от меня самой, а от моей удачи, на карту была поставлена судьба целого государства. И я продолжала бесконечно прокручивать в уме возможные варианты развития событий, переходя к все более и более невероятным, так что почти не обращала внимания на дорогу.

Как было запланировано, мы подъехали к задним воротам города. Они были заперты, и еще полчаса мы простояли перед ними — усталые нервные стражники сначала приня-

ли нас за вампирских шпионов и угрожали расстрелять с крепостных стен, затем у маршала Оффали лопнуло терпение, он выехал вперед и громоподобным, хорошо узнаваемым голосом потребовал начальство. За воротами произошел некоторый переполох, и кто-то побежал докладывать о нашем прибытии коменданту крепости Линнару. Мы терпеливо ждали — комендант был человеком доверенным, и ему было известно о нашем плане и о нашем приезде. Наконец явился Линнар, выглянул в окошко, опознал маршала, и нас наконец-то впустили. С ходу он сообщил, где находится его дом, и наш отряд в двадцать всадников помчался по мощенной булыжником улице. Она была почти совсем пустой — дождь разогнал всех местных по домам. А ведь сейчас стояла не осень, а самое начало лета!

Ормонд был даже не совсем городом, а скорее большой крепостью. Мы очень быстро добрались до центральной площади и подъехали к ратуше. Спешились, несколько человек из наших отправились узнавать о размещении на постой и конюшне. Кто-то забрал у меня поводья. Маршал Оффали прошел напрямик в дом, за ним следовали я и еще трое, которые были посвящены в мою задумку, здесь же нас нагнал Линнар. На первом этаже, как в любой канцелярии, толпились люди, а на втором этаже располагалась квартира коменданта, куда мы и направились. Линнар толкнул одну из дверей и пропустил маршала вперед, сам он зашел следующим, сразу за ним — я и только потом оставшаяся часть нашей процессии. Там оказался кабинет с горящим камином, при виде которого я блаженно прикрыла глаза. Впрочем, это не помешало мне первым делом накинуть на комнату полог тишины, чтобы нас никто не мог подслушать. Моим спутникам статус не позволил с порога броситься к огню, но они все постарались расположиться поближе к камину, так что там образовалось небольшое столпотворение. Линнар закрыл дверь, вытянулся в струнку перед маршалом и отрекомендовался:

— Капитан Линнар, комендант Ормонда, господин маршал!

Тот кивнул. Я быстро осмотрела капитана, составляя о нем впечатление. Невысокого роста, но крепкий дядька. Может, у него в роду были гномы? Немолод, уже далеко за пятьдесят, но чувствуется, что у него есть хватка. Форма старая, потрепанная, но не позорит звание офицера. Семьи наверняка нет, раз он предпочитает жить там же, где работает. Выбрит, но зато на лице красовались шикарные усы. Много морщин и мелких шрамов — этот человек не раз бывал в бою. Смотрит пытливо, прямо в глаза. В общем, он был похож на нашего маршала. На Оффали он смотрел с оттенком надежды, что было понятно — имя маршала Ардауэна Оффали было известно не только во всей Валенсии, но и далеко за ее пределами. Знаменитый полководец, не знающий поражений... Если уж и он не сможет ничего сделать в создавшейся ситуации, то нас уже ничто не спасет. Но нам придется разочаровать Линнара сразу.

Интересно, почему же этот человек удовлетворился службой в крепости и званием капитана, а не пошел дальше? В целом он был мне симпатичен. Кажется, мы были правы, когда посчитали, что ему можно доверить мой замысел.

Маршал заговорил практически сразу же, как я додумала эту мысль. Должно быть, тоже сделал какие-то выводы в уме относительно этого капитана.

— Как ни прискорбно это говорить, но я здесь лишь для отвода глаз. — Маршал угрюмо усмехнулся, а на его лбу прорезалась вертикальная складка. — Все приказания через меня будет передавать мой... адъютант, — после запинки кивнул на меня Оффали. — Их выполнять беспрекословно.

На лице Линнара отразилась легкая растерянность, и он недоуменно посмотрел на меня.

— В-ваше высочество? — заикнувшись, уточнил он.

— Добрый вечер, — поздоровалась я. Всю неделю, пока мы добирались сюда, я говорила измененным голосом, чтобы меня никто не узнал, а сейчас убрала эту мальчишескую звонкость, и голос снова стал женским. Линнар вздрогнул — слишком велика была разница между тем, что он видел, и

тем, что он слышал, — но быстро взял себя в руки. Его лицо стало сосредоточенным, и всем своим видом капитан выразил готовность слушать меня. Я отметила его выдержку — здесь война, враг расположился буквально под городскими стенами, Ормонд осажден, а ему приказали подчиниться девице, которая в войне ничего не смыслит! Тот факт, что девица — дочка короля и провела всю жизнь во дворце, только подливал масла в огонь. На самом деле все обстояло не совсем так, но Линнар вполне мог этого не знать.

— Опишите ситуацию в общих словах, — велела я.

Капитан на секунду задумался и начал докладывать сухо и по существу:

— Ленстер захвачен. Мы пока держимся. Вампиры пытались штурмовать, но мы дали им отпор. Их не очень много, но мы по понятным причинам не хотим устраивать открытое сражение.

Я покивала, понимая, что он имеет в виду.

— Теперь хотят взять нас измором. Съестные припасы пока есть, но надолго их не хватит. Если ситуация не изменится, нам придется открыть ворота.

Примерно то же самое он уже излагал неделю назад. У комендантов крупных крепостей и городов имелись амулеты для связи со столицей, и Ормонд не был исключением. Но меня интересовало сейчас совсем другое.

— Виктор здесь? — спрашивая это, я чувствовала, как у меня дрожат руки. Вот тебе и Железная Принцесса...

Линнар кивнул:

— Пару дней назад мы видели его с городских стен. Он прибыл с отрядом вампиров и долго рыскал в окрестностях. Возможно, выполнял поручение Дориана.

Я удовлетворенно улыбнулась, стараясь скрыть напряжение. Виктор здесь, это главное, остальное — дело техники. То, что здесь окажется Дориан, было вполне предсказуемо — где еще может быть командующий армией Вереантера, как не в области боевых действий? — и проблемы в его присутствии я не видела.

Поразмыслив некоторое время, я подытожила:

— Значит, так. В ближайшее время и Ормонд и Ленстер должны узнать, что сюда прибыл маршал Оффали. Вам, маршал, стоит показаться на городских стенах, чтобы вампиры наверняка вас заметили и доложили Дориану. Обо мне — ни слова. О том, кто я на самом деле, должны знать только присутствующие в этой комнате. Для всех остальных я — адъютант господина маршала. Когда через несколько дней я уйду из крепости и не вернусь, никаких действий не предпринимать. На какой срок у вас хватит продуктов, капитан?

— На месяц-полтора, — отпарторвал тот.

— Я постараюсь управиться за этот период.

Я поднялась, намереваясь идти к двери. Беседу я считала оконченной, но меня остановил голос капитана, в котором прорезались нотки отчаяния:

— Ваше высочество, вы действительно сможете все это остановить?

Ответ на этот вопрос был мне неизвестен. Помолчав, я ответила:

— В случае неудачи я погибну. Поэтому могу только сказать, что приложу все усилия, чтобы осуществить задуманное.

И, не глядя ни на кого, вышла из кабинета. За последний месяц слишком многое произошло, и держать лицо перед другими людьми с каждым днем становилось все сложнее и сложнее. Конечно, на меня наложена иллюзия, но мою настоящую мимику она не маскирует. А мне как никогда в жизни надо было показать окружающим, что я держу ситуацию под контролем. И я не позволю никому и ничему сломить меня. Им не удалось сделать это за все эти годы, и никакие вампиры не смогут!

Меня поселили по соседству с маршалом. Адъютант всегда должен быть под рукой, а правила приличия были последним, что меня сейчас беспокоило. Комнатка оказалась маленькой, в ней с трудом разместились кровать, стол у окна и стул. Но я и не собиралась задерживаться здесь на-

долго. Кто-то уже принес сюда мои пожитки — дорожную сумку, в которую я собрала только самые необходимые вещи вроде сменного белья, запасного адъютантского мундира и кое-каких лекарственных трав и эликсиров. В ней еще лежало маленькое зеркало, которое я достала и внимательно осмотрела себя. Иллюзия сохранялась замечательно — с плоской поверхности на меня смотрел молодой румяный офицерик с открытым, почти детским лицом. Эту иллюзию мы создали вдвоем с нашим придворным магом Мариусом, убив на нее несколько часов. Мой голос никак не мог звучать по-мужски, и мне удалось только сделать его по-мальчишечьи звонким. Поэтому Мариус рассудил, что и внешность должна быть соответствующая — юный адъютант вполне подойдет. Именно поэтому Линнар так растерялся в первый момент — перед ним совершенно определенно стоял парень, но говорил женским голосом.

Впрочем, сильного мага обычная иллюзия могла и не обмануть, поэтому мы с Мариусом перестраховались и создали мне еще один облик. Несколько дней я экспериментировала с плетениями, и в итоге мне удалось изменить свою внешность. Так что если я попадусь на глаза Дориану — а скорее всего, так все и будет, поскольку я изображаю адъютанта не кого-нибудь, а самого маршала Оффали — и он снимет с меня маскировку, то увидит перед собой остроносую девушку с жидкими волосами и россыпью веснушек на лице. Нельзя допустить, чтобы вампиры поняли, кто я такая, иначе мне точно не поздоровится, но меня утешала мысль — сообразить, что и это не мой настоящий облик, будет непросто. Ведь изменившие цвет и поредевшие волосы не были париком, они действительно стали именно такими. Как и испортившаяся посмуглевшая кожа и сильно посветлевшие глаза. Когда я вернусь, то использую обратное плетение и верну себе свое настоящее лицо. Но это был страховочный вариант, на самом деле я не думала, что личину адъютанта кто-то раскусит. Все-таки Мариус — архимаг, пусть и не в самых лучших отношениях со светлым Советом магов, так что его творение было вполне надежным.

Отложив зеркало, я похлопала себя по нагрудному карману — проверила, на месте ли самый важный предмет моего снаряжения. Небольшой камешек на веревочке с вырезанными на нем символами по-прежнему был при мне. На самом деле это был небольшой портал, который активировался специальным плетением. На его создание у нас с Мариусом ушло огромное количество сил и времени, поскольку порталы — штука невероятно энергозатратная, и даже архимаг не создаст больше одного за один раз. Мариус сразу предупредил меня, что портал обладает собственным ярким магическим фоном, и поэтому любой маг может запросто его обнаружить. Чтобы избежать в дальнейшем разоблачения, я использовала на нем особое заклинание, которое целиком скрыло его фон. Мариус об этом ничего не знал, поскольку в противном случае у него возник бы вопрос, а откуда мне такое плетение известно. А это было тайной, которой я ни с кем не могла поделиться.

Я подошла к окну и прижалась к нему лбом. Снаружи по-прежнему лил дождь, и стекло приятно холодило разгоряченную кожу. На Ормонд опускались сумерки. Мое окно выходило во двор, и предметы превращались в расплывчатые силуэты. Интересно, как бы на моем месте чувствовали себя мои сестры? Любая из них. Даже не говоря уже о моей миссии. Как бы они ощущали себя в подобном месте — на окраине нашего королевства, в крохотной комнатухе, без роскошной мебели, нарядов и свиты служанок? Конечно, быстро поправила я саму себя, ни одна из них в подобной ситуации и не очутилась бы. И Фредерика и Надя сейчас находились в безопасности — в Бларни вместе с леди Алиной. А отец со Стефаном остаются в Дионе и оттуда следят за положением дел. Интересно, что они все думают сейчас обо мне? Гордятся ли они мной? Беспокоятся ли за меня?

Да нет, вряд ли. Отец еще, может быть, а остальные точно нет. Им все равно. Им всегда было все равно.

Я потрясла головой, отгоняя прочь эти мысли. Нет смысла в очередной раз все это обдумывать. Я должна сосредоточиться на деле, чтобы выполнить свою миссию и сохранить

мой привычный мир. Возможно, если у меня все получится и Валенсия будет спасена, они наконец-то увидят во мне человека?

Я усмехнулась. Надо же как — «Валенсия будет спасена»! Как же так получилось? Где мы так сильно просчитались, что оказались втянуты в эту тюргову войну?

Грубо говоря, причина раздора между Валенсией и Вереантером определилась уже давно — это было месторождение адамантия в горах на севере нашей страны. Адамантий — очень редкий и очень ценный металл, и любые, даже самые небольшие рудники были способны неплохо поддерживать государственную казну. Ценен он тем, что невероятно прочен и хорош как для изготовления доспехов, так и оружия. Маги же обожают делать из него амулеты и ритуальные предметы, и даже портал, который теперь висел у меня на шее, был запечатан именно в адамантий. По иронии судьбы, магов в Валенсии мало, и мы продаем адамантий соседям — больше всего Аркадии, в которой находятся несколько магических школ и академий. А в Вереантере четыре десятка лет назад решили, что способны распорядиться этим сырьем гораздо лучше нас. Проблема заключалась в том, что лет сто с лишним назад эта горная область — Кэллахил — действительно принадлежала Вереантеру, но отошла к нам в ходе очень долгой и кровопролитной войны. К слову сказать, в той войне Валенсия не участвовала вовсе, это была резня между вампирами и эльфами — между Вереантером и Селендрией. Плохо пришлось тогда обеим сторонам, и оба государства слегка уменьшились в размерах. Под шумок Кэллахил отошел к нам, и уже валенсийцы открыли там залежи адамантия, которым мы благополучно торговали последние лет пятьдесят. А семьдесят лет назад в Вереантере к власти пришел новый правитель, который решил вернуть их исконные владения. С тех пор мы с Вереантером находились в состоянии вооруженного нейтралитета. Ощущение было такое, будто живешь на бочке пороха и не хватает лишь искры, чтобы прогремел взрыв.

Взрыв прогремел два месяца назад, когда в Дионе был убит посол Вереантера. История была грязная, неприятная, и главное, я так и не поняла, было ли это провокацией или же смерть посла действительно произошла по нашей вине? Похоже на провокацию, я не спорю, но в таком случае возникает вопрос: зачем вампирам надо было ждать столько лет? Готовиться так долго к войне с нами они не могли. После той давней войны страна действительно была в упадке, но с тех пор, как королем стал Адриан Вереантерский, все изменилось. Новый повелитель оказался жестким, умным, проницательным и невероятно дальновидным. Всего за несколько десятков лет он поднял экономику и превратил Вереантер в сильнейшее военное государство, с которым связываться — себе дороже. Всем известно, что с вампирами воевать нельзя, по крайней мере людям и гномам. Эльфам еще можно, у них военная подготовка неслабая, но у людей против нежити нет шансов. Дело не только в том, что вампиры менее уязвимы и быстро исцеляются, это еще полбеды. Но высшие вампиры, не говоря уже об архивампирах, обладают огромными способностями к некромантии и в силах воскрешать мертвых. Причем архивампир может оживить тысячу мертвецов за один прием, и все они будут послушны его воле. Не важно, кем они были при жизни — своими, чужими, после поднятия из мертвых они подчиняются лишь воскресившему их вампиру. Поэтому с вампирами очень трудно воевать — если в сражении участвуют несколько высших или хотя бы один архивампир, то это заведомо проигранная битва. Ваши же собственные убитые воины восстанут в виде нежити и будут бить вас в спину.

К счастью, архивампиров в мире практически не осталось. Изначально их было чуть меньше двадцати, сейчас наберется едва ли больше пяти. Не знаю, с чем связано такое вырождение. Знаю только, что архивампиром стать нельзя, им можно только родиться. Правда, и этих пяти миру более чем достаточно: архивампиры — сильнейшие маги и воины. Они неуязвимы, невероятно сильны и практически бессмертны. А еще им подчиняются остальные вампиры. Все

архивампиры — державные правители, и нам повезло, что на нашем материке государство вампиров всего одно.

Легко можно догадаться, что Адриан Вереантерский, о котором я уже упоминала, как раз является архивампиром и одним из самых опасных существ в этом мире. И он пожелал вернуть себе Кэллахил. Поэтому я смело могу сказать, что наши дела плохи как никогда раньше.

Полагаю, знаменитый маг-вампир Виктор прибыл сюда исключительно для того, чтобы поднимать мертвецов. Именно поэтому в Ормонде капитан Линнар предпочитает избегать настоящих боев — у Валенсии нет шансов одержать здесь победу. А когда вампиры возьмут ормондцев измором, они пойдут дальше, и ситуация повторится. В подобном столкновении сил мы заведомо слабее. Победить в этой войне можно только хитростью. Именно это я и собиралась сделать.

Есть такая особенность — почти все маги являются изобретателями, и многие заклинания и плетения, которые они используют, созданы ими самими. У меня тоже есть несколько заклятий, которые я придумала сама. Виктор не является исключением, и даже более того — он очень талантливый изобретатель. Откуда-то Мариусу стало известно, что знаменитый маг-вампир проводил эксперименты в области некромантии и создал заклинание, обращающее поднятого тобой живого мертвеца против тебя же. Формулу плетения Виктор вывел совершенно случайно, но она оказалась бесценна! Мысль понятна? Если вампиры поднимут армию нежити, можно было бы использовать это плетение, и тогда мертвяки покромсают самих вампиров. Формула плетения стала моей целью, и я собралась в Ормонд, как только узнала, что Ленстер был захвачен и там видели Виктора.

Но как получить эту формулу? Маги записывают свои изобретенные заклинания в специальные гримуары и никогда с ними не расстаются. Это не какое-то правило, просто маги — люди очень увлеченные, и им важно, чтобы их наработки и исследования всегда были под рукой. Но как достать гримуар из захваченной врагом крепости? Я долго

думала, и наконец мне в голову пришла идея пойти на эту авантюру.

Все просто — надо попасть в плен.

И, уже находясь в стане врага, надо понять, как до этого гримуара добраться, забрать с собой и вернуться обратно. Для обычного человека подобная задача могла стать невыполнимой, и именно поэтому лучшего претендента на роль спасителя Валенсии, чем я, не нашлось. Я — маг, причем гораздо более сильный, чем известно Мариусу. Используя свои знания в области магии, я смогу получить желаемое. Мариус не мог этим заняться, поскольку он наш придворный маг и обязан находиться при короле. А других магов во всем государстве не сыскать. То есть, наверное, одаренные люди есть, но их мало, и у нас нет магических школ. Сам Мариус родом из Аркадии. Я — его ученица, и, возможно, в будущем эта должность достанется мне. Иметь на постоянной службе мага недешево обходится казне любого государства, а архимага — и того больше, но нам повезло. В свое время у Мариуса были какие-то серьезные разногласия со светлым Советом магов, с тех пор он скрывается от них в Валенсии и спокойно занимается своими исследованиями, а параллельно выполняет какие-то отцовские поручения и обучает меня. И сейчас я должна показать, на что способна, и добыть этот гримуар. Мы не знали, что вампиры сделают с нами, если победят в этой войне. Но в том, что нас не ждет ничего хорошего, сомнений не было ни у отца, ни у Мариуса, ни у меня.

ГЛАВА 2

— Корделия, выпрями спину! Ты похожа на сгорбленную клячу!

От резкого окрика я вздрагиваю, торопливо распрямляюсь и сажусь так, словно кол проглотила. Из последних сил стараюсь не втягивать голову в плечи и достойно встретить холодный взгляд мачехи. Но леди Алина, кажется, остается

довольна увиденным, потому что молча проходит мимо меня, величественно кивает фрейлине, оставленной следить за нами, и покидает классную комнату. Ее нарядное платье со шлейфом тихо шелестит по полу. Я провожаю ее с тоской в душе, потому что знаю — сейчас начнется самое неприятное.

— Сгорбленная кляча! Мама сказала, что ты — сгорбленная кляча! — наперебой шепчут Надя и Фредерика, опасаясь говорить громко, чтобы не вызвать гнев фрейлины, и давятся смехом. — Кляча! Кляча!

Отвечать нельзя. Если я как-нибудь обзову их в ответ, они немедленно нажалуются леди Алине, и тогда жди беды. Мачеха превратит мою жизнь в ад на неделю точно, если не больше, и ей никто не помешает. Поэтому я крепко стискиваю зубы, зажмуриваюсь, чтобы взять себя в руки, и молча возвращаюсь к свитку с упражнениями по всеобщему языку. Сестры некоторое время еще продолжают веселиться, но, видя, что я не отвечаю, постепенно успокаиваются. Мне пришлось проглотить очередную обиду, но зато я избежала порции оскорблений и насмешек со стороны леди Алины.

С тех пор прошло одиннадцать лет. Почему-то именно это воспоминание сохранилось очень отчетливо, хотя подобных ситуаций в моей жизни были десятки, но эта «кляча» преследует меня до сих пор.

Тем не менее я не могу сказать, что мачеха всегда ругала только меня. Нет, доставалось, конечно, нам всем троим, и даже иногда Стефану. Леди Алина всегда была очень щепетильна во всем, что касалось правил поведения и чести нашей семьи. Когда кто-то из нас троих — Фредерики, Нади и меня — «выбивался» из образа принцессы Валенсии, наша королева немедленно обращала на это внимание, и часто в довольно резкой форме. Но все же была разница между тем, как она отчитывала девочек, и тем, что говорила мне. Почему-то меня всегда пыталась унижить, заставить почувствовать себя совершенным ничтожеством. Хотя она никогда не поднимала на меня руку, но в своих оскорблениях была предельно избирательна — королева не может позволить себе

ругаться, словно рыночная торговка — однако от этого ее слова не становились менее обидными. Я научилась терпеть это и никак не отвечать. Да и кто мог бы заступиться за двенадцатилетнего ребенка? Отцу точно не могло быть до этого дела, а моего сводного брата — наследного принца — мои проблемы нисколько не интересовали.

Я всегда точно знала, что леди Алина меня не любит. Долгое время я росла в уверенности, что просто нисколько ее не интересую. Ее можно было понять — мы не были родственниками, и она имела полное право не питать ко мне теплых чувств. Вдобавок, когда я была маленькой, мое положение во дворце было не слишком прочным. Дело в том, что мой отец не был женат на моей матери. Мне плохо известны подробности их отношений — леди Алина объявила эту тему запретной. Я знала эту историю только в общих чертах. Моя мать была знатного происхождения и двадцать четыре года назад жила при дворе. Мой отец — тогда еще не король, а только принц — без памяти влюбился в нее, и она поначалу отвечала ему взаимностью. Не знаю, чем ей в итоге не угодил наследный принц, но через какое-то время мать покинула Дион. А еще через десять месяцев, когда отец уже стал королем Дарием II, в дворцовые ворота постучала бывшая горничная моей матери. На руках она держала девочку, которой от роду исполнился всего месяц. Когда первый шок у отца прошел, он посмотрел на младенца повнимательнее, видимо, сделал какие-то выводы и признал меня. Вроде бы потому, что я очень похожа внешне на свою мать. Точно сказать не могу, поскольку никогда ее не видела. Та женщина, которая меня принесла, осталась со мной в качестве няньки, и с тех пор Агата была единственным человеком во всем дворце, которому я действительно была нужна. Когда я подросла, пыталась расспрашивать ее о матери, но она либо отшучивалась, либо отмалчивалась, и со временем все мои попытки узнать что-либо о родительнице прекратились. Я быстро смирилась с тем, что матери у меня нет, хотя до сих пор не могу простить ей то, что она от меня отказалась.

Отец женился на леди Алине, когда мне было полтора года. Она была первой красавицей двора и давно стремилась к этому браку. С самого начала ей не нравилось мое постоянное присутствие во дворце, и, по рассказам Агаты, она пыталась склонить короля к мысли, что внебрачному ребенку, пусть и королевскому, в Дионе делать нечего. Кажется, она предлагала отправить меня в одну из дальних валенсийских провинций в монастырь богини Эйр. Отец был склонен прислушиваться к ее мнению, и я была невероятно близка к тому, чтобы покинуть столицу раз и навсегда.

Меня спасла магия. Та самая магия, которая так редко встречается в Валенсии.

У меня очень рано обнаружился магический дар. Архимар Мариус, проверив мои способности, поведал ошарашенному королю, что его дочь в будущем может стать очень сильной магичкой. Он, Мариус, лично возьмется обучать меня, поскольку глупо оставлять такой мощный потенциал нераскрытым.

Это все решило. У нас в стране довольно мало людей, владеющих тайнами магии, а сильным магом можно было назвать только одного Мариуса. Никто больше не смел ставить под сомнение мой титул, хотя шепотки за спиной преследовали меня постоянно. За последующие годы у меня появились единокровные по отцу брат и две сестры, но отношение королевы ко мне не изменилось. Леди Алине пришлось смириться с моим присутствием, но она не упускала случая чем-нибудь уколоть свою падчерицу. С отцом я общалась мало, и близких людей у меня было всего двое — няня Агата и учитель Мариус. Я оказалась способной, трудолюбивой ученицей, и, будь моя воля, вообще не покидала бы лабораторию архимага. Там не было ни насмехающейся мачехи, ни дразнящих меня сестер, и только там я ощущала себя человеком. Благодаря своему магическому дару и упорству, с которым его развивала, я чувствовала себя ничем не хуже их.

В очередной раз ситуация изменилась, когда мне было тринадцать лет. Я хорошо помню тот день — мы с сестрами

сидели в комнате и вышивали, вместе с нами находилась леди Алина со своими фрейлинами. Маделин, старшая фрейлина, сравнила мою работу с работой Нади и стала громко расхваливать сводную сестру. Остальные с удовольствием слушали, леди Алина никогда не препятствовала таким сценам. И именно тогда мое терпение впервые лопнуло. Нет, я не закричала и, как мне казалось, не сделала вообще ничего. Но внезапно вышивка в руках Нади вспыхнула ослепительным белым пламенем, заставив всех присутствующих вскрикнуть и вскочить на ноги. Надя выронила пальцы из рук, но на пол опустилось лишь несколько хлопьев пепла. За секунду «Гнев Донера» — так называли этот вид огня за невероятную способность к разрушению — уничтожил работу, над которой Надя трудилась больше месяца. Едва вышивка догорела, пламя исчезло так же внезапно, как и появилось. На несколько долгих секунд в комнате повисла гнетущая тишина. Никто не смел даже шелохнуться, ожидая реакции королевы. Признаться, она меня удивила. Не смея поднять глаз, я была готова к гневным крикам и неминуемому наказанию, но вместо этого леди Алина тихо спросила:

— Зачем ты это сделала?

— Случайно, — выдавила я из себя, понимая, что она все равно мне не поверит. — Я не хотела этого.

Она молчала. Тогда я осторожно подняла голову. Мачеха смотрела на меня с непонятым выражением на лице, так, будто впервые увидела. В ее глазах кроме растерянности было еще что-то, и я довольно быстро догадалась что.

Страх.

Оглядевшись, я поняла, что точно так же на меня смотрели все присутствующие — и фрейлины, и Фредерика, и Надя, которая при этом едва сдерживала слезы. Я не знала, что с ними происходит, но отчетливо осознала, что наказывать меня сегодня не будут, и выбежала из комнаты.

Потом Мариус объяснил мне, в чем дело. Обычные люди всегда боялись магов и предпочитали не связываться с ними, поскольку маг может наслать на человека множество

проклятий. Маги — совершенно обособленное сословие, которое по могуществу можно сравнить с королями. Даже выше — ни один король не позволит себе неуважительно говорить с магом. Маги, даже слабые, намного превосходят в возможностях простых людей, и, если человек рискнул вызвать неудовольствие мага, ему может очень сильно не понравиться. В тот день леди Алина впервые осознала, что ее падчерица, которой она не давала житья ни минуты, тоже маг, причем сильный. И этот самый маг может оказаться злопамятным и однажды отыграться за все свои детские обиды.

О случившемся доложили отцу, он с Мариусом посоветовался и решил, что меня стоит приобщить к государственной деятельности. Если я и в самом деле в будущем могу стать сильным магом, то надо заранее подготовить меня к тому, что однажды я сменю Мариуса на его посту придворного мага. Так что больше я не проводила свои дни, вышивая или музицируя на разных музыкальных инструментах. У меня практически не осталось времени на чтение или прогулки по дворцовому парку. Отныне моим обучением занялись вплотную и готовили так, будто я была наследницей трона. Теперь многие занятия у нас со Стефаном были совместными — языки других народов, история, дипломатия, гербология. Вдобавок продолжались мои уроки магии, и свободного времени практически не было. Я почти не видела ни леди Алину, ни сестер. А когда видела, они все держались со мной подчеркнуто вежливо. Не было больше насмешек и издевательств, было только холодное молчание, но поначалу меня радовало и оно. Жить сразу стало намного проще.

Проще — да. Легче — ни капельки.

Уже повзрослев, я поняла, что леди Алина вовсе не была ко мне равнодушна. Нет, по какой-то причине она терпеть меня не могла и до случая с вышивкой не пыталась скрывать истинного чувства. Но теперь она его не демонстрировала. Она вообще вела себя так, будто меня не существует. Изредка леди Алина делала мне замечания по поводу моего

внешнего вида, когда я была одета не так, как подобает принцессе, или по поводу моей осанки или манер... Но на этом все, другие темы со мной она больше не затрагивала.

Не знаю, что именно так раздражало ее во мне. В детстве я всегда старалась выполнять все требования и делать так, чтобы она была довольна. Пыталась соответствовать ее представлению о том, какой должна быть настоящая принцесса — кстати, представление об этом у нее было правильное. Но у меня ничего не получалось. А ведь они пятеро — отец, мачеха, Стефан и девочки — были настоящей семьей! Отец действительно любил их всех, сыном очень гордился, супругу просто на руках готов был носить... Леди Алина отвечала мужу взаимностью и очень его уважала. Но лично я никогда не вписывалась в их мир, возможно, именно поэтому и окружающие считали меня изгоем. Чем старше я становилась, тем больше это проявлялось и было заметно во всем. Даже внешне я очень сильно отличалась от своей семьи. Отец, статный красавец с широким разворотом плеч, до сих пор пользующийся успехом у придворных дам; его жена — невероятно красивая хрупкая женщина, выглядывшая моложе своих лет. Оба блондины, и их дети были похожи на них — все светловолосые и голубоглазые. Надя и Фредерика, когда подросли, вдруг расцвели, и сейчас были гордостью семьи. Леди Алина очень гордилась ими, а у ног этих обворожительных девушек сейчас были все молодые аристократы, бывавшие при дворе. И рядом с ними я — очень высокая, ростом с отца, худая, с гривой темных кудрявых волос, обрамляющих бледное лицо. Единственное, что мне нравилось в собственной внешности, — это темно-зеленые глаза с глубоким оттенком. Только, скажите мне на милость, ну кто эти глаза будет рассматривать? «Жердь» — так меня теперь называли за глаза. Раньше была «кляча», а теперь «жердь». Впрочем, меня награждали и более обидными прозвищами.

Со временем я перестала искать чьего-либо одобрения. Мне стало все равно, что подумают обо мне мачеха, сестры, брат, придворные. Единственными людьми, чьим мнением я

дорожила, были учитель и отец. С тех пор как мне исполнилось семнадцать, меня стали допускать на советы отца с министрами, я стала постепенно вникать в дела страны и начала активно в них участвовать. Политика помогла мне ощутить себя нужной, она была делом, требовавшим моего постоянного внимания. Мы сблизились с отцом, он уважал меня и прислушивался к моему мнению. Во внешнюю политику я почти не вмешивалась и предпочитала заниматься внутренней. Много ездила по Валенсии, общалась с самыми разными людьми, решала какие-то вопросы... Постоянная привычка сохранять на лице маску невозмутимости не добавляла мне популярности, и к своим двадцати трем годам я снискала славу холодной расчетливой интриганки и равнодушной стервы. В чем-то это было правдой — опасения мачехи насчет моей злопамятности оказались обоснованными.

Я больше никому ничего не прощала. Ни насмешек, ни ехидных взглядов, ни шепотков за спиной. Когда мне удавалось установить, кто именно сказал что-то нелицеприятное о моей персоне, я мстила быстро и безжалостно, была по самому больному месту. Больше всего мне запомнился случай, когда при дворе обсуждали помолвку герцога Арлинского с дочерью графа Давера. Во дворец за королевским благословением прибыли будущие виновники торжества и мать невесты, графиня Лиона, бывшая фрейлина леди Алины. Лиона была невероятно счастлива из-за помолвки, поскольку не каждой удается выдать свою дочь за герцога. Леди Алина охотно дала свое согласие на этот брак, и все сложилось бы для графини замечательно, если бы она не слишком громко прошептала слово «незаконнорожденная», когда я попалась ей на глаза. Я это услышала и все решила очень быстро. У графини Лионы ушло полгода, чтобы организовать этот брак, у меня же — ровно пятнадцать минут, чтобы его расстроить.

Таких историй было много. Большинство придворных искренне ненавидели меня, но мои жесткие действия принесли свои плоды — больше никто даже не думал отпускать оскорбления в мой адрес, по крайней мере так, чтобы я это

слышала. Почти все эти дворцовые крысы — удивительные трусы, они могут портить жизнь только тем, кто слабее их. А я стала сильной. И они боялись меня.

Когда мне исполнилось восемнадцать, леди Алина начала активно подталкивать отца к мысли, что старшую принцессу было бы неплохо выдать замуж. К подобному предприятю следовало подойти вдумчиво, поскольку я считалась завидной невестой — одаренная магически, да еще принцесса... В общем, мой брак должен был стать очень выгодной сделкой с каким-нибудь государством, где посчитали бы, что лишний маг был бы им весьма полезен. А то, что принцесса не красавица, да и ростом будет повыше многих мужчин, препятствием не было — слишком уж солидным было мое приданое.

На мое счастье, отец не настаивал на моем замужестве. Валенсия в любом случае оставалась в выигрыше — если бы выгодный династический брак не состоялся, я бы осталась в Дионе и стала со временем придворным магом. Так что за шесть лет я была представлена множеству принцев и князей из соседних государств, но никто из них мной не прельстился. Да мне и самой почти никто не нравился. Годам к двадцати я точно знала, какими качествами должен обладать мой будущий муж, но ни у кого из этих отпрысков правящих семей я не находила того, что мне было нужно. Правда, был там один принц... Он был единственным, при виде кого мое сердце начинало колотиться, а ладони моментально потели. Когда нас представили друг другу, он был очень любезен со мной. Помимо этого он обладал чувством юмора, был начитан и очень хорош собой. Тогда я и подумала, что за него, пожалуй, я бы и вышла замуж. Но... Наверное, я сама во всем виновата. Принца, кажется, напугал уровень моей образованности и то, как я тонко разбиралась в политике. Возможно, я действительно увлеклась тогда умными рассуждениями, но мне так хотелось произвести на него впечатление! А потом в зал вошла Фредерика, и принц мгновенно забыл обо мне. Я даже помню его лицо в тот момент, когда он увидел мою сестру, — столько в нем было неподдельного восхи-

щения! На меня он смотрел далеко не так восторженно. Когда приличия были соблюдены, он отошел от меня к Фредерике и остаток вечера провел с ней. А я... Я с трудом дождалась конца торжественной части и немедленно ушла с бала. У меня просто не было сил смотреть, как мой принц танцует с Фредерикой и улыбается ей.

Со временем количество претендентов на мою руку значительно сократилось. Мне уже исполнилось двадцать три, и мачеха махнула на меня рукой. Сейчас она была занята устройством судеб своих родных дочерей и, кажется, считала меня старой девой. Я же не видела смысла в том, чтобы объяснять ей, что я вообще-то маг, а маги живут намного дольше обычных людей — обычно три-четыре столетия. А, по словам Мариуса, такая сильная магичка, как я, может запросто прожить больше пятисот лет. Так что я никуда не спешила.

И вот когда встал вопрос о спасении нашей страны от вампиров, я предложила себя в качестве главного действующего лица. Согласие с моим планом вызывало у меня двойственное чувство — с одной стороны, я была рада, что мне позволили поступать на свое усмотрение, а с другой... Наверное, я была бы счастлива, если бы меня начали отговаривать, заявили, что это слишком опасно, а за меня беспокоятся. Но не было ничего подобного. Были только напутственные слова от Мариуса, что он верит в меня, и просьба отца не ошибиться в своих расчетах.

Но я уже привыкла. И почти не обижаюсь на это.

Честное слово.

ГЛАВА 3

Под утро дождь прекратился. Я проснулась рано и первым делом выглянула в окно. На солнце не было и намека, небо было целиком затянуто облаками, но высокими и не такими мрачными, как вчера. Во дворе уже всю кипела жизнь — то и дело там появлялись люди, которые то входили

ли в ратушу, то выходили оттуда, причем я видела и военных — их было легко узнать по серой форме — и городских жителей. С площади периодически доносился цокот копыт лошадей по булыжнику. В общем, эта картина выглядела такой спокойной и обыденной, что было трудно поверить, будто Ормонд находится в осажденном положении.

Умывшись, надев мундир и проверив маскировку, я вышла из комнаты, дошла до конца коридора и практически сразу столкнулась с графом ван Ларсом — одним из моих вчерашних спутников. По должности ван Ларс был советником отца по вопросам обороны, а также одним из доверенных лиц. Сюда графа отправили, потому что, во-первых, его появление никого бы не удивило, а во-вторых, он вместе с Оффали должен был отвести вампирам глаза. Маршал, да еще советник короля — а на скромного адъютанта никто и не посмотрит... Я относилась к нему с уважением. Ван Ларс казался мне человеком разумным, к тому же во время нашего путешествия я видела, как спокойно он переносил тяготы пути — почти неделю верхом, по лесу, без каких-либо удобств, ночлег на голой земле и так далее... Мне самой поначалу приходилось тяжело, но я более или менее втянулась. Граф не позволил себе выразить ни капли недовольства. Раз приказал король — значит, надо, и точка.

— Ты что здесь забыл? — резко спросил граф, увидев меня. Я посмотрела на него, вздернув одну бровь, и ван Ларс осознал свою ошибку. Он торопливо поклонился, его лицо залила бледность, но голос звучал твердо, хотя и на пониженных тонах:

— Прошу прощения, ваше высочество. Я не узнал вас.

Я коротко кивнула и спросила:

— Где маршал Оффали?

— Они с капитаном Линнаром обсуждали положение дел и возможное развитие событий в кабинете. Я как раз иду оттуда. — Заметив выражение моего лица, граф быстро добавил: — Кроме нас там никого не было. Все сохранится в тайне.

— Хорошо. Я хочу сегодня пройтись по городским стенам и своими глазами увидеть, что творится за пределами города. Вы с маршалом мне там понадобится.

Ван Ларс снова склонил голову в легком поклоне. Внезапно мне стало любопытно, я сняла «заслон» со своего сознания и прислушалась к эмоциям графа. Среди них преобладали беспокойство и недоверие, но высказать вслух свое несогласие ван Ларс не посмел. Я еще на секунду задержалась возле него, выискивая в его чувствах привычные неприязнь, презрение или страх — эмоции, которые я обычно вызывала у наших придворных, — но ничего не было. Этот человек не верил в успех моего плана, но лично ко мне он не испытывал неприязни. Это было приятным разнообразием, и, вернув на место «заслон», я кивнула графу — не свысока, а уважительно, а затем направилась к лестнице.

На первом этаже обнаружилась кухня. Толстая немолодая повариха, охая и вздыхая из-за моего внешнего вида («Как же тебя, такого молодого, прямо к вампирам потащили!»), навалила мне черпаком из большого котла полную тарелку каши и усадила есть. Конечно, не королевский завтрак, но я набросилась на него с жадностью. Каша была наваристая, в ней даже попадались кусочки мяса. К слову сказать, в еде я была непривередлива и к простой пище привыкла довольно быстро. А после шести дней в лесу, когда питались мы практически всухомятку, такая каша казалась настоящим праздником.

Наконец после завтрака небольшой делегацией мы отправились к главным воротам города. Впереди шли маршал с графом, сразу за ними — капитан Линнар со своим помощником, отвечавшие на вопросы, и замыкала шествие я. Люди, попадавшие нам по пути, кланялись маршалу и графу и смотрели на них как на избавителей. Я же вертела головой, стараясь делать это не очень заметно, подмечая всякие мелочи. Правда, ничего интересного мне не попало, — просто большая крепость или очень маленький, хорошо укрепленный город. Чистый и немногочисленный — то ли людей здесь всегда было мало, то ли просто они предпо-

читали сидеть дома. Кстати, это бросалось в глаза — дети не играли на улицах, люди не останавливались поболтать друг с другом, а деловито шли по своим делам, сохраняя озабоченные лица.

В картине, открывшейся мне со стен города, не было ничего драматичного. Пустая дорога упиралась в запертые ворота. В отдалении расположился отряд воинов — Линнар пояснил, что это были вампирские дозорные, следившие за дорогой. Если бы отец прислал сюда какое-то подкрепление, вампирам немедленно стало бы об этом известно, и, скорее всего, нас бы разбили, прежде чем мы добрались до задних ворот. За ними вампиры не наблюдали: в этом не было смысла, поскольку с той стороны город был окружен лесом, через который перебросить в Ормонд войско было бы затруднительно. Войско — да, а вот наш отряд вчера совершенно спокойно попал в город. Однако наши двадцать человек — это не двадцать воинов-вампиров, мы едва ли смогли бы как-нибудь повлиять на положение дел.

Ленстер — город чуть побольше Ормонда, он находился в получасе езды отсюда. Это именно город, а не крепость, и захватить его вампирам было не очень сложно. Теперь Ленстер превратился в вампирской штаб — именно там сейчас расположился Дориан с армией и Виктором. Интересно, что произошло с местными жителями как Ленстера, так и других городов, в которые уже успели войти вампиры? Надеюсь, их оставили людьми и не стали обращать. Вряд ли Дориану прямо сейчас нужна толпа низших вампиров? У него и своих пока достаточно...

Из мрачных мыслей меня вывел зычный голос маршала Оффали, который устроил разнос дозорным на крепостной стене. Я подозревала, что этот поток ругани был показательным выступлением для вампиров, видневшихся вдалеке. Они обладают гораздо более острым зрением и слухом, чем люди, и сердитая отповедь маршала не могла пройти незамеченной. Назначив наказание провинившимся солдатам, Оффали плавно перешел к отчитыванию самого Линнара. Тот стоял, виновато опустив глаза, но я слышала его эмо-

ции — в них преобладало спокойствие. Значит, это точно было спланировано заранее. Я перевела взгляд на дорогу за воротами и посмотрела вдаль. Мне показалось или группа вампиров находилась теперь ближе к нам, чем пятнадцать минут назад?

Так прошло несколько дней. Я привыкла вставать ни свет ни заря, приспособилась к жесткому матрасу, к простой пище, которой к тому же было мало — сэкономили городские запасы. Уже весь ормондский гарнизон я знала в лицо, со многими офицерами была знакома лично. Неожиданно поймала себя на том, что совершенно не скучаю по дому. Да, мне не хватало моей комнаты с амулетами, которые изобрела я сама, не доставало библиотеки и моего парка, больше похожего на небольшой лес, но я нисколько не грустила ни по кому из домашних. Ни мачеха, ни сестры, ни брат, ни даже отец — я не тосковала ни по одному из них. Вдобавок здесь, в Ормонде, люди не носили масок, от которых я так устала во дворце. Местные не скрывали своих настоящих эмоций и почти всегда были искренны, и благодаря этому я чувствовала себя здесь комфортно.

За это время маршал успел обегать весь Ормонд вдоль и поперек, я не отставала от него. Время от времени он давал мне какие-то мелкие поручения, с которыми я точно так же носилась по городу и по городским стенам, высматривая изменения в поведении вампиров. Пару раз мы даже совершали вылазки за пределы крепости — правда, мы выходили через задние ворота и держались в безопасной близости от городских стен и ормондских лучников на них. Маршал с деловым видом изучал местность, а вампирские наблюдатели приблизились к нашим воротам на максимально возможное расстояние, чтобы их не заделали наши стрелы. Я не сомневалась — в Ленстере уже известно о прибытии Оффали в Ормонд. Тот факт, что подступы к городу перекрыты и наша армия здесь появиться никак не может, не мог успокоить вампиров — у маршала была слава полководца, способного победить в самой безнадежной ситуации. Дориан не мог не

знать об этом и не мог не забеспокоиться на этот счет, хотя бы слегка. Но почему-то они до сих пор ничего не предприняли, даром что прошла уже почти неделя с тех пор, как мы сюда прибыли. Вампиры словно замерли в ожидании чего-то, и это не нравилось ни мне, ни Оффали, ни ван Ларсу, ни Линнару. Это было этакое затишье перед бурей, которое все больше начинало меня нервировать.

И хотя в итоге все прошло в соответствии с моим планом, для меня это событие оказалось слишком неожиданным. Просто я действительно не рассчитывала в тот день столкнуться с отрядом вампирских дозорных и морально не была готова к подобной встрече. В реальности она оказалась гораздо страшнее, чем я себе представляла.

В то утро я впервые проснулась от того, что мне на лицо попал солнечный луч. Он был неярким, и, как я вскоре убедилась, небо по-прежнему было в облаках, но после стольких хмурых дней и эти просветы были праздником. Совершив очередной обход, маршал удалился на обед, а я направилась к задним воротам. Встрепенувшейся страже сказала, что во время последней прогулки в сторону леса маршал Оффали потерял очень важный амулет и отправил меня на его поиски. Один из стражников, которому на вид было лет сорок пять, сурово сдвинул брови и по-отечески строго сказал мне:

— Только держись подальше от этих кровососов, парень!

Они приоткрыли одну из створок, я легко выскользнула наружу и действительно направилась в лес. Перешагивая через поваленные деревья, я шла по уже знакомой тропке. Вокруг меня был еще даже не лес, а так, подлесок. Деревья стояли разрозненно, слабый солнечный свет пробивался сквозь ветки. На вампиров я не боялась натолкнуться, поскольку в лесу им делать было точно нечего. Дошла до небольшой речки, протекавшей здесь, нашла старый упавший ствол дерева, еще не совсем гнилой, и уселась на него. Вокруг царил тишина, изредка нарушаемая криками каких-то птиц. Прикрыв глаза, я расслабилась и хотела проделать несколько обычных упражнений для расширения

своего магического резерва, которым меня учил Мариус. Но сосредоточиться на этом мне не удалось — в голову снова полезли воспоминания о последнем разговоре с Агатой, который все никак не давал мне покоя. Через пять минут я поняла, что позаниматься магией мне так и не удастся, и мысленно вернулась к своему последнему вечеру во дворце.

Это было накануне нашего отъезда. Отец одобрил мой план, вещи были собраны, нужные люди проинформированы, и наутро мы должны были отправиться в Ормонд. Вечером я решила зайти к своей няне попрощаться. Когда я подходила к двери ее комнаты, изнутри до меня донеслись странные завывания. Ничего не понимая, я открыла дверь и обнаружила Агату сидящей на кровати и проливающей горькие слезы. Машинально защитив комнату от подслушивания, я бросилась к этой невысокой пожилой женщине, ставшей моим самым близким другом во всем мире.

— Агата, что с тобой?

Она продолжала рыдать, и мне потребовалось приложить определенные усилия, чтобы разобрать ее ответ:

— Девочка моя... Да как же так можно... Совсем юная, еще толком не пожившая. И вдруг — этим кровососам на съедение!

Это был первый раз, когда кто-то действительно переживал за меня, и сердце внезапно защемило. У меня самой на глаза навернулись слезы, и как можно мягче я сказала:

— Со мной все будет в порядке, обещаю! Ты же знаешь, я живучая... К тому же пойми, Валенсию надо спасти...

Почему-то от моих слов она заревела еще горше.

— Да куда же это годится! — в перерывах между всхлипами выдавила она. — Кого беспокоит эта Валенсия, когда родители собственного ребенка на верную смерть отправляют!

— Агата, перестань, — ласково сказала я. — Ты же знаешь, у отца нет другого выхода, а леди Алина...

Непечатным выражением Агата точно сформулировала, куда может отправиться леди Алина. Услышать подобное

от всегда доброжелательной Агаты было сюрпризом, и я удивленно на нее посмотрела.

— Тогда что тебя так удивило? — недоуменно спросила я, и вдруг меня осенило: — Ты говоришь о моей настоящей матери, да?

Она горестно кивнула и начала стирать слезы с опухшего лица.

— И что с ней? — спросила я резче, чем хотела. В животе завязался неприятный узел плохого предчувствия.

Агата всегда избегала разговоров о моей матери, я даже не знала ее имени. Но сейчас няня, видимо, была так расстроена, что ответила, перемежая слова со всхлипываниями:

— Да она... приказала вас... убить, когда... вы родились...

Я застыла, не веря собственным ушам, а Агата продолжала:

— Это я, я спасла вас тогда... и отвезла... к отцу... Думала, вы... хоть здесь... будете в безопасности... Так нет... теперь отец отправляет вас... в самое пекло... У-у-у! — вырвалось у нее простонародное завывание.

— Почему? Агата, почему она это приказала? — тихо и растерянно спросила я, но она не ответила. Просто сидела, раскачиваясь на одном месте и плача. Я поняла, что ответа не добьюсь. Тогда я использовала небольшое снотворное заклинание. Глаза Агаты закрылись, дыхание выровнялось, и она бессильно откинулась на подушки. Словно в каком-то оцепенении я поднялась на ноги, вышла в коридор и тихо прикрыла за собой дверь.

До отъезда мне больше так и не удалось поговорить с ней, и я уехала, не получив ответов на свои вопросы. Пока мы добирались до Ормонда, я раздумывала над тем, как бы мне полочнее осуществить свой план, а здесь была так занята тем, чтобы правильно сыграть свою роль, что на мысли об Агате совсем не оставалось времени. Зато сейчас, когда я впервые за все время осталась одна, на меня наконец-то накатила запоздалая волна опустошенности и смятения. Неужели это правда? Неужели моя мать, кем бы она ни была,

действительно приказала убить маленького ребенка? Я всегда была уверена, что просто была ей не нужна и поэтому она отослала меня к отцу. Так неужели я оказалась в Дионе только благодаря добросердечной Агате? Неужели мне настолько нет места в этом мире? Я уже привыкла к тому, что моя семья не очень нуждается во мне, но чтобы родная мать велела избавиться от меня... Это было слишком.

Обдумывая все это и отчаянно жалея себя, я пропустила их приближение и очнулась только в тот момент, когда меня окружил отряд вооруженных всадников. Я вскочила и с внезапным страхом осознала, что воинская форма на них не наша. Мечей никто не обнажил, но новоприбывшие не выглядели дружелюбно. Один из всадников выехал вперед, и я разглядела эмблему на его груди — коронованный грифон. Герб Вереантера.

Вампиры.

Откуда они взялись в лесу? Просто выехали на разведку? Или искали здесь что-то?

— Так-так, — задумчиво протянул тот, у которого была эмблема, и окинул меня с головы до ног внимательным взглядом. Он говорил на всеобщем довольно гладко, но с небольшим акцентом. — Адъютант самого Оффали, полагаю?

У меня язык прилип к небу, и я всего лишь продолжала испуганно на них таращиться. В действительности мне было гораздо более жутко, чем я себе представляла. Что теперь делать? Чем я вообще думала, когда создавала этот план? А если они меня просто убьют сейчас, то что? Большинство плетений, которые я знаю, — целительские, а не боевые! Как мне защищаться?!

Глава отряда некоторое время раздумывал, а потом махнул рукой своим:

— Берите его и поехали.

Дальнейшее мне запомнилось смутно. В голове билась одна-единственная мысль: «Кажется, получилось!» Без сопротивления я позволила грубо схватить себя, связать руки за спиной и посадить на лошадь. Веревка больно натирала кожу, и я старательно напоминала себе, что это все — часть

плана и придется немного потерпеть. Пути назад больше нет, теперь надо играть свою роль до конца. Пока они думают, что я — юный офицер, я нахожусь в большей безопасности. Если же они узнают, что я — принцесса, мне конец.

Дорога в Ленстер прошла спокойно. Я вела себя смиренно, и вампиры не сделали мне ничего плохого — не били, не пили кровь, не издевались. Пока мы приближались к захваченному городу, я более или менее пришла в себя. Страх отступил, я строго напомнила самой себе, что у меня вообще-то есть миссия, которую я должна выполнить. Самая важная деталь — камешек с порталом — был при мне. Еще один пункт плана оказался благополучно позади, и теперь все зависит только от меня.

Когда мы въехали в город, меня уже занимали мысли о том, что все прошло слишком гладко, а единственным неудобством оказались затекшие и натертые от веревки руки. Ленстер оказался побольше Ормонда, но был спланирован примерно так же. Мы въехали через главные ворота. Вампирские часовые даже не кинули на меня любопытного взгляда, а молча вытянулись перед главой отряда. Я про себя подивилась такой жесткой дисциплине. Отряд проскакал по центральной улице и подъехал к местной ратуше. Должно быть, Дориан расположился здесь. Хорошо, если и Виктор будет обретаться где-то неподалеку. По дороге я косила глазами по сторонам, высматривая жителей Ленстера. Изредка они попадались мне — угрюмые люди, торопившиеся поскорее добраться до пункта назначения. С облегчением я отметила про себя, что они не были похожи на зомби или на новообращенных вампиров. Значит, местные еще живы. Это только подстегнуло мое желание поскорее закончить свое дело.

Спешились, меня провели под конвоем в здание. Со связанными руками оказалось очень неудобно идти, а какой-то вампир еще и подталкивал меня в спину. К моему удивлению, меня отвели не в подвал, где, по моим представлениям, можно было запереть пленника, а провели в кабинет в конце коридора. Все это происходило в полной тишине. Руки мне

развязали и посадили на стул в центре комнаты. Два вампира встали у дверей — безмолвный конвой, который меня слегка нервировал. Глава отряда куда-то пропал, и я предположила, что он пошел докладывать начальству о своем улове.

Минут через десять в коридоре послышались приближающиеся шаги и голоса, разговаривавшие между собой на веррантерском. За это время я успела окончательно прийти в себя и определиться с дальнейшей линией поведения. Стражники у двери все подобрались. Мне же пришлось призвать на помощь свои знания языка вампиров, чтобы понять, о чем шла речь.

— Вы оторвали меня от дел ради какого-то молокооса? — В холодном мужском голосе отчетливо звучало раздражение. Должно быть, это и был Дориан.

— Это адъютант маршала Оффали, — быстро ответил второй голос, тоже мужской. В отличие от первого он звучал почтительно.

— И ты думаешь, он может сообщить нам что-то действительно важное, Дориан? — Раздражение в первом голосе усилилось.

Так, что-то я не поняла. Так первый мужчина был не Дориан? Тогда кто может позволить себе разговаривать с командующим вампирской армией в таком тоне? Неужели это знаменитый маг Виктор обладает в Веррантере таким влиянием?

Дверь распахнулась, и в комнату вошли трое. Я узнала их всех. Блондин со шрамом на щеке — военачальник Дориан. Рядом с ним — невысокий вампир с молодым лицом и невероятно старыми глазами — Виктор. Но я отметила его появление лишь краем глаза, все мое внимание было приковано к высокому мужчине, вошедшему в кабинет первым и при виде которого стражники у дверей почтительно склонили головы.

Сам Адриан Веррантерский, правитель Веррантера и архивампир.

Кажется, теперь у меня действительно проблемы.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Пролог</i>	5
Часть первая. ПОТЕРЯТЬ ВСЕ	7
Часть вторая. ОБРЕСТИ СЕБЯ	147